Елена Иваницкая

Пишем ужасы

Роман

Елена Иваницкая

Пишем ужасы. Роман

«Издательские решения»

Иваницкая Е. Н.

Пишем ужасы. Роман / Е. Н. Иваницкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835623-0

Оборотни и тайны в подмосковном лесу. Страшная ночь в старом доме. Роман «дрожи и ужасов» о феномене страха в нашей жизни.

ISBN 978-5-44-835623-0

© Иваницкая Е. Н.
© Издательские решения

Пишем ужасы
Роман
Елена Николаевна Иваницкая

© Елена Николаевна Иваницкая, 2016

ISBN 978-5-4483-5623-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В березняке любиться, в ельнике удавиться. Почему бы это? Потому что сумрачно и тихо? Но темнота стояла сказочная. Словно малахитовая мозаика с золотыми блестящими капельками света. А тишины, если прислушаться, не было. Что-то дрожало или звенело в душистом воздухе. Кли-кли-кли. Тень-тень-тень. Тропинка повернула. Старый выворотень протягивал еловые корни, как скрюченные пальцы бабы-яги

– Прямо мультфильм, – сказала Полина и шагнула в объятия корней. – Сфоткай меня.

Виктор нацелил мыльницу – слева, справа – «Есть! Теперь вместе с Катей. А закройте-ка глаза. Готово! И еще с Романом». Но корень-палец вдруг вцепился Роману в волосы и держал крепко.

– Поймал за хвост! – расхохоталась Полина. И правда, чтоб выпутаться, хвост пришлось распустить. Кожаным шнурком, державшим волосы, Роман обмотал запястье. Получился черный браслет. Виктор усмехнулся, и вдруг братья одинаковым движением выбросили вперед левую руку со сжатым кулаком: у обоих запястье перехвачено черным. Но у Виктора браслет был настоящий, узорно, фигурно, фактурно выплетенный.

Тропа понемногу светлела. Проплыли солнечно-розовые стволы сосен. Березы засияли как сахарные. Ягоды-серьги на рябине уже наливались алым румянцем.

– Смотрите, орешки! – углядела Полина. Круглый веселый куст весь был усыпан двойчатками и тройчатками плодов, спрятанных в бледно-зеленые колокольчатые обертки. Из листочков-фантиков выглядывали носики орехов, еще не коричневых, а сливочно-белых, как будто даже полупрозрачных. Полина сорвала двойчатку, долго и с удовольствием рассматривала, положив на ладонь, потом отогнула бахрому и раскусила ядрышко вместе с мягкой скорлупкой. «Райское наслажде… Ай!» Зажмурилась, замотала головой, выплюнула: «Кислятина!»

Виктор опустил фотоаппарат: «Снято! Полюбуешься на себя»

– Ты меня в венке щелкни. Сейчас венок сплету. Смотрите, какая трава.

– Это не трава, – сказал Виктор, – это папоротник.

– А папоротник разве не трава?

– Нет. Совсем особые растения. Тайнобрачные. Называются так.

– Что, серьезно? Да быть не может. Выдумываешь. Тайный брак? Это кино такое. Нет, опера. А разве в университетах путей сообщения теперь ботанику учат?

– Сам интересовался. Хотя экология у нас была. На втором курсе. Или на первом?

Полина собрала букет папоротников. Ловко и быстро начала плести, добавляя то лиловатый цветок, то зеленовато-желтую метелку, то колоски, которые тоже росли на поляне. Украсила кораллами рябины и надела, как корону. Пышный венок был ей очень к лицу, в чем она и не сомневалась. «Вот теперь щелкай!» Катя оторвала одну перисто-узорчатую, словно бисерную веточку, запутала в волосах над ухом, как изумрудную прядь, и попыталась вспомнить, как же называются у папоротника листья. Как-то по-особенному. Даже по-гоголевски. Вий? Вай?

Полина позировала, томно склоняя щеку к плечу, мелодраматически поднимая глаза к небу, и вдруг высунула язык.

– А это что такое? – удивленно спросил Роман.

– Это я вам язык показываю!

– Нет, вон там. Что это может быть?

Но вокруг было только зеленое колебание тени и света. Виктор разглядел загадку первым. Когда свернули с тропы и подошли поближе, девочки тоже увидели на зеленовато-сером стволе тонкого деревца глубокие частые царапины, ободравшие кору до древесины. Словно гигантская кошка точила когти. Или железный дровосек карябал тупым топором. А вот еще, заметила Катя. И еще, прошептала Полина. Царапины были слишком длинные. Роман встал на цыпочки, вытянул руку, но некоторые ссадины-порезы начинались выше.

– Таких высоченных медведей не бывает, – решил Виктор. – Вернее, бывают, но только на острове Кодьяк.

– А если медвежонок? Залезал, царапал и съезжал на когтях вниз?

– Какие из нас следопыты. Крупный тигр, наверное, дотянется. Лигр! Когтищи ничего себе. Как стамеска.

Полина, смотревшая с открытым ртом, вздрогнула и скомандовала: пошли отсюда!

– Да не бойся. Его тут нет, мы бы услышали. А где же кора? Ну, щепки, которые наточил?

– Пошли, сказано!

– А может, он впереди?

– Пошли обратно!

– Или позади?

– Хватит издеваться. И вообще в Юсуповском саду гораздо красивее. И в Михайловском. А тем более в Летнем. Хотя неизвестно теперь, чего там нареставрируют. А вы – лес, лес. Домой пора!

Двинулись дальше, оглядываясь с неуютным ожиданием, и натолкнулись еще на одно ободранное деревце. Роман провел пальцем по глубокой царапине и вдруг показал вниз: вот он!

На полоске голой земли отпечатался след не след, но четкая вмятина. Словно в сырую почву с силой вдавили сковородку с ребристым дном. Виктор для сравнения поставил рядом ногу в кроссовке.

– Это не медведь. Скорее копыто. У медведя след как человеческий.

Почему-то стало жутко, и Катя вдруг поняла – почему. Не удержавшись, спросила:

– Разве копыто на задних лапах ходит?

Получилось косноязычно и смешно, но никто не засмеялся, все поняли страшноватый вопрос: что же это за существо – с копытами, с когтями и такого роста, чтоб расцарапать дерево до высоты трех с лишним метров?

– Может, не когтями царапал, а рогами, – утешил Виктор, но невольно покосился по сторонам.

Однако со всех сторон тихо-звонко, дремотно-жарко, сладко-душисто веяло спокойствием.

– Надо спросить у местных, что за зверь, – решил Роман. – Наверняка знают. Если бы здесь сухопутные лох-несские чудовища водились, о них бы давно растрезвонили.

Впереди открылся ярко сияющий просвет, лужок с тонкой белой березкой, а под ногами почувствовалось что-то странное, мягкое, даже слегка пружинистое. Неужели болото?

– Обойдем! – велела Полина.

– Болото и топь не одно и то же, – сказал Виктор, подхватил Катю на руки и пошел вперед по тропинке. – Катюша у нас ничего не весит. Легенькая, как комарик.

Катины ажурные сапоги были для лесной прогулки самой нелепой обувью, но, оказывается, и самой удачной. Если бы еще сравнил не с комариком, а с чем-нибудь поромантичнее, с лепестком или с бабочкой, то… совсем было бы хорошо.

– И меня понеси! – развеселилась Полина. Роман понес, приговаривая: а ты, сестреныш, у нас толстеныш, полновесная, как налитое яблоко.

– Так свежо и так душисто, так румяно-золотисто, – нараспев задекламировала Полина, болтая красными лаковыми балетками, – будто медом налилось, видны семечки насквозь!

Болотце было крохотное. Болотинка. Тропа снова нырнула в лес. Виктор опустил Катю на землю, все еще приобнимая, и вдруг совсем рядом затрещало, загремело, взорвалось. Черный дракон, огромный василиск ломился среди ветвей. Девочки завизжали. Мальчики оттолкнули их себе за спину, заслонив от внезапной опасности. Но черный и огромный исчез.

– Глухарь! – крикнул Виктор и засмеялся. – А казалось, целый зубр.

– Птица? – не верила Полина, все еще дрожа. – С таким громом? Глухарь – это же вроде куры?

– Самый крупный представитель отряда куриных, – как на экзамене, отчитался Виктор. – Наш древний пернатый брат. Современник ледников и мамонтов. Наиболее крупные экземпляры достигают размеров…

– …динозаврика. Вам что, и зоологию преподают? Фу, напугал.

– Зато приключение. Ты же диких птиц никогда не видела.

– Видела. В зоопарке. Точно! Вспомнила! Твой пернатый брат вроде черного индюка, только клюв острый. Слууушайте! А может, это глухарь деревья царапал? Или дятел…

Роман призвал отметить историческую встречу с настоящим лесным обитателем. Забрал у Виктора фотоаппарат и начал распоряжаться. Руки поднять, как при игре в ручеек, а Полине присесть в воротцах. Теперь руки ладонь к ладони. Теперь крест-накрест. Пальцы переплести. Великолепненько! И свет удивительный. Кате с Полиной стать носочки к носочкам, схватиться за руки и откинуться, как будто кружитесь. А ну-ка в самом деле повертитесь.

Завертелись так, что болотце замелькало калейдоскопом, а венок у Полины свалился. Но она тотчас опять его надела. Отдышавшись, пошли дальше, выбирая, где бы отдохнуть. Ноги уже ныли-гудели, но приятно.

В ласковой тени увидели плоский седой валун и поваленное бревно. Удобно устроились. Виктор достал губную гармонику. Вспорхнуло присвистывающее «ми». Полилось что-то жалобное, медленное, колыбельное. «Наша перепелка старенькая стала, – тонко, вполголоса пропела Полина. – Наша перепелка ножку поломала. Ты ж моя, ты ж моя, перепелочка». И вдруг, словно в ответ, какая-то перепелочка запищала и забренькала. Виктор оборвал мелодию и попробовал повторить за птицей. Кажется, получалось похоже, но лесной голосок больше не отзывался. И тогда гармоника дунула, всхрапнула и завела что-то резкое и напористое. «Смело, товарищи, в нооОООгу, – подхватил Роман, – мы никогда не пойдееОООм!» Полина вскочила и затопала на месте, размахивая руками. Она маршировала карикатурно и грубо, но очень выразительно. Роман протянул Кате мыльницу: снимай!

Полина ловко, мелко подпрыгнула, сменяя движение, и закричала: «Давай марш Преображенского полка!» Завизжал си-бемоль, и начался очень знакомый и знаменитый марш, о котором, выходит, только Катя не знала, что это марш Преображенского полка. А Роман даже слова знал и подпевал про великие победы под водительством Петра, о которых пели деды, гром гремел: виват, ура!

Полина маршировала-танцевала, то взлетая в воздух с коленом у подбородка, то вскидывая вытянутую ногу выше плеч, и вдруг словно выросла с гордо поднятой головой, изображая императора Петра. Засмеялась, притопнула и полуприсела в поклоне, растопырив пышные красные штанишки, как юбку: «Вот так-то! Представление окончено. Давайте фотки посмотрим».

– Как ты хорошо танцуешь! – сразу похвалила Катя.

– Профессионально, – объявила Полина. – Еще бы! С пяти лет в эстрадном ансамбле. Хотя в одиннадцатом классе придется уйти. Времени не будет. Жалко.

Девочки сели на седой валун, Роман с Виктором рядом на траву. Полина завладела фотоаппаратом, и начала перелистывать кадры, откровенно собой любуясь.

– Сейчас увидим, прекрасные дамы, кто из вас красивее! – поджигательски бросил Виктор.

Поджигательство совершенно напрасное. Кате нечего было с Полиной делить. Наоборот, были серьезные причины с ней подружиться, раз она братьям близкая родственница, «сестреныш из Питера».

– Полина гораздо красивее, – спокойно признала Катя, и получилось очень удачно: Виктор глянул быстро-удивленно. – Настоящая снегурочка.

– Серые глаза, русая коса, – подтвердил Роман.

– Голубые! – потребовала уточнений Полина, надув губы и сморщив нос.

– Если в серых глазах нет желтизны, – насмешливо сказал Виктор, – их называют синими. Чтобы подлизаться к обладательнице глаз. А если с желтизной, тогда зелеными. Из тех же соображений.

Катя скромно промолчала. На фотографиях она вышла преотлично: ярко и пикантно. Короткие темные завитки с разноцветными прядками, кошачий макияж, янтарно-зеленые глаза. Хотя Виктор намекнул, что всего лишь серые с желтым. Вдвоем они тоже получились замечательно. Только на одной фотографии их головы и скрещенные руки исчезли в каких-то симметричных малиновых кругах. На увеличенном кадре круги оказались красно-сине-фиолетовыми. Какие-то ложные солнца.

Но больше всего было Полины. И русская красавица в венке, и толстенький зайчонок с перекошенной от кислого ореха мордочкой. Она смеялась и требовала восхищения.

– Подожди-ка, верни назад, – попросил Виктор. Опять появились ложные солнца, потом переплетенные пальцы, потом ладонь к ладони и почти что щека к щеке. Виктор взял мыльницу и начал увеличивать и двигать фрагменты. Долго и почему-то нахмурившись.

– Что там? – непоседливо спросила Полина, которая хотела любоваться собой.

– Ничего не понимаю. Это же левая рука.

Посмотрели по очереди.

– Ну, левая, и что? – капризничала Полина. – А хоть бы и правая…

Катя тоже ничего не понимала, но братья сильно и как-то встревожено изумлялись.

– Как это может быть? – сказали хором.

– Что? Где?

Они опять одинаковым жестом выбросили вперед левую руку со сжатым кулаком и черным перехватом шнурка и браслета. И тогда Катя увидела: на фотографии браслета не было. Полина разглядела последней и рассердилась:

– Не морочь голову. Снял, надел, а теперь выдумываешь.

– Я бы нарочно тебе голову поморочил. Только эту штуку трудно и долго снимать. Каждый узелок надо поддеть вязальным крючком. А крючок остался на подоконнике. Или на полке.

Полина схватила его за руку, попробовала вывернуть браслет. Нет, сидел туго. Начала ногтями дергать один за другим пять узелков: развязать их, наверное, удалось бы, но дело было и правда долгое.

– То есть ты хочешь сказать, что эта штука была на тебе, но не отразилась? Не отпечаталась? Глупости. Не может быть.

– Значит, может, а отчего и почему – другой вопрос.

– Кать, попробуй ты. Он прикалывается. Так не бывает. Это вампиры в ужастиках не отпечатываются на фотографиях и не отражаются в зеркалах. Он нам ужастик сочиняет.

Катя тоже попыталась снять браслет, но пальцы как-то сами собой соскальзывали с плетеной кожи на живую. В браслет был вделан гладкий черный камешек, который вдруг при повороте руки просиял глубоким, мистическим синим светом. Нет, не показалось. Тревожно

рассматривали вместе и по очереди. Камень действительно загорался таинственной, мерцающей, темной синевой.

– Ну и что это такое? – нервничала Полина. – Ты же знаешь, что это за камень, ты же его купил!

Виктор как-то растерянно начал объяснять:

– Браслет – да, купил. Через Интернет. Но в нем была другая вставка. Костяная, белая. А камень нашел и сам вставил.

– Где нашел?

– У тебя в Петербурге. Недалеко от аптеки Пеля. Там в переулке чинили не то снимали мостовую. И валялся расколотый булыжник. Я подобрал осколок и отдал отполировать.

– Так. А я где была?

– Дома. Десятый сон смотрела. Я из клуба шел.

– Так вот? А Роман где был?

– Провожал Маринку.

– А, вот когда… И ты до сих пор не замечал, что камень светится?

– Наоборот. Тогда же заметил, потому и подобрал.

– Ночью заметил?

– Ночью. Только уже солнце взошло.

– И что все это значит?

Братья одинаково пожали плечами. Было не то что страшно, а словно заноза впилась и колола. От молчания жалила все больнее, но Катя не могла придумать никакого объяснения, а Полина сказала: я боюсь. Роман вздохнул и начал успокаивать:

– Если подумать, чего бояться? В чем опасность? Ну, какой-то предмет не отразился. Странно, конечно. И даже страшно, если искать мистические причины. А может, причины оптические? Или химические?

Волшебные слова «оптический» и «химический» мгновенно излечивали от страха.

– Блестящая поверхность, свечение – все это может взаимодействовать с солнечным лучом. А там все-таки болото. Влажность, испарение, преломление – не знаю. Свет там особенный, я сразу заметил. Может быть, аномальная зона.

От этих слов заноза остро шевельнулась. Одно дело – читать про аномальную зону в Интернете, совсем другое – в ней оказаться. Катя предложила: давайте сфотографируем браслет еще раз. Не надо, сказала Полина. Виктор засомневался: ну, попробуем… сделаем контрольный снимок здесь, а потом вернемся на болото, проведем эксперимент. Не надо никуда возвращаться! – прикрикнула Полина.

Еще помолчали. В глубине таинственного камня переливался синий звездный свет.

– Пока человек естества не пытал, – негромко начал Роман, – горнилом, весами и мерой, по детски вещаньям природы внимал, ловил ее знаменья с верой…

– …Покуда природу любил он, она – любовью ему отвечала, – со вздохом подхватила Полина, – о нем дружелюбной заботы полна, язык для него обретала.

– Вот видишь, – сказал Роман. – Дело в языке. Куда поведет язык. Ты сразу про вампиров вспомнила. Тебя язык повел к мистике. Меня – к аномальной зоне. А кто на двадцать пять лет старше, те бы сразу забеспокоились, что он радиоактивный. А из нас никто об этом не подумал.

– Нет, я подумал и проверил: не фонит, – успокоил Виктор.

– Как проверил? – сразу привязалась Полина, но без особого волнения.

– Ну, как такие вещи проверяют. Счетчиком.

– Где ты его взял?

– Ну, где такие вещи берут. На военной кафедре.

Катя все еще держала Виктора за руку, словно разглядывая мерцание камня. Опомнившись, быстро сказала: страшновато, хотя непонятно почему, так красиво светится.

– Непонятное пугает, даже если оно красиво, – вывел формулу Роман. – Однажды в Симферополе, была гроза. Но небо в северной части оставалось безоблачным. Раздался страшный громовой удар. Потом еще один. А в промежутке между ударами в чистом небе посыпался сноп искр и принял форму треугольника. Искрило блестяще-желтым и ярко-голубым светом. Когда треугольник засиял, дождь прекратился. Когда сияние погасло, хлынул еще сильнее. И это действительно видели.

– Треугольная летающая тарелка? – отмахнулась Полина. – Да ну, ерунда. Это когда было?

– В ночь с тринадцатого на четырнадцатое сентября тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года.

– Восемьсот – восемьдесят… В позапрошлом веке?

– В том-то и дело. То, что видят сейчас, действительно ерунда. По небу спутники, ракеты, зонды бегают, а язык выворачивает людям мысли ко всякой уфологии. Ты вот сразу сказала: летающая тарелка. В позапрошлом веке по небу ничего не бегало – ну, кроме метеоритов, а они вряд были треугольными. И язык не подсказывал, что именно видеть. Поэтому свидетели видели то, что видели.

– А ты откуда об этом знаешь?

– Из Вестника Красного Креста. Курсовую писал по структуре специализированных еженедельников, и кое-что для интереса скопировал. У них был такой раздел – «происшествия и примечательные явления».

Полина позабыла весь страх и загорелась: какие у них были происшествия? Жуткие были? Рассказывай!

– Были и очень жуткие. В апреле восемьдесят седьмого землетрясение в Верном. Это нынешняя Алматы. Весь город был разрушен. В мае пожар в парижском театре: двести человек сгорело. В ноябре в Ла-Манше пассажирский пароход столкнулся с грузовым и сразу затонул. Сотни жертв. Почти никого не спасли. А вот, например, была страшилка в жанре «пошел и не вернулся». Только натуральная и задокументированная. Батрак уронил ведро в колодец. Хозяева с работниками как раз собирались обедать, а он взял лестницу и сказал: сейчас вернусь, только ведро достану. Пошел и пропал. Хозяин послал паренька: поторопи. Мальчишка побежал и пропал. Тогда брат хозяина, мужик сорока лет, сказал: чего они там застряли, пойду приведу. И пропал. Наконец, всполошился сам хозяин, повел с собой толпу. Заглянули в колодец, а там все трое лежат мертвые. Один на дне, а у двоих головы над водой. Колодец совсем неглубокий, лестница на месте, вода прозрачная. Хозяин обвязался веревкой и полез. Успел крикнуть – «умираю», его вытащили и откачали. Спустили на веревке кошку.

– Живодеры! – закричала Полина. – Про кошку пропусти!

– Ладно, пропускаю. Зажгли свечку в фонаре, спустили фонарь. Свечка погасла. Когда появилась полиция, в колодце никаких газов и ядовитых испарений уже не было. Началось следствие, а я, собственно, читал статью полицейского врача. Который в этом участвовал и вскрывал тела. Признаков насильственной смерти не было. Ведь полиция сначала заподозрила, что их поубивали, в колодец скинули, а потом историю сочинили. Признаков отравления сероводородом или задушения углекислым газом тоже не было. Так и осталось непонятным, от чего они умерли, что за отрава и откуда просочилась. А вот еще жуть. Опытный охотник летним утром пошел на охоту с двумя собаками. И не вернулся. Три деревни целую неделю его искали. Не нашли. А на следующий же день, как перестали искать, женщина пошла за клюквой и на болоте увидела труп. Отдельно туловище, в двух саженях – это метра четыре – голова. Без бороды и волос, с голым черепом. Еще дальше валялось ружье с погнутым стволом. Там не было сказано, кто и как вел следствие, но выводы очень странные. Будто бы охотник погиб от разрыва ружья, а волосы с оторванной головы ощипала собака. Кстати, обе собаки тоже исчезли. Я бы заподозрил, что следствие подкуплено, а там было убийство из мести: над

телом глумились. Убийца сначала прятал труп, а когда перестали искать, подбросил на болото: ведь женщина нашла его недалеко от деревни. А вот совершенно дикий кошмар. В станице, название не помню, казачка родила младенца с патологией. Написано – урода. Ребенок был живой, дышал, кричал, но у него было слева недоразвитие ребер, поэтому сердце билось прямо под кожей. Сбежалась толпа, тыкали пальцами в бьющееся сердце, прижимали, отпускали. Не со зла, а от страха и удивления. Тогда ребенок переставал дышать и метался.

– Не надо! – жалобно попросила Полина. – Не говори, что младенчика замучили.

– Так… пропускаю. А вот история жуткая, но смешная. Охотник с маленьким сыном пошел на охоту. Ружье, топор, все как полагается. Вдруг на них выскакивает медведица. Мужик забыл, что из ружья стреляют, завопил, треснул ее прикладом по голове, она его повалила, стала мять и кусать. У него с пояса покатился и загремел котелок. Выбежали два медвежонка, стали играть с котелком. Медведица бросила мужика, пошла к медвежатам. А мальчик погнался и стукнул ее топором. Но медведица его не тронула, позвала медвежат, и они побежали за ней, катая котелок. А горе-охотники побрели домой, радуясь, что дешево отделались.

Avis au lecteur. Уведомление для читателей. Все, что рассказывает мой герой по имени Роман, – все правда. Строго соответствует – ну, если не истине, то ее отражению в периодической печати. «Вестник Российского Красного Креста» – реально существовавший еженедельник. Треугольное свечение в Симферополе действительно наблюдали в том самом году, который назван Романом (об этом есть заметка в №39). В 1887 были еще страшные ураганы в Ковенской и Гродненской губерниях (№24), невиданный, с грецкий орех, град в Воронеже (№24), падение двух метеоритов под Пермью (№36). Были жуткие убийства. В Обояни пьяный отец схватил двухлетнюю дочь за ножки, разбил ей голову об пол, позвал мать «полюбоваться» и сам пошел в полицию (№4). О пропавшем охотнике заметка в №39, о встрече с медведицей в №3. Ребеночка, разумеется, замучили (№52): сначала лапали за сердце, потом потащили крестить. Только история о трех погибших в колодце взята не из «Вестника Красного Креста», а из журнала «Медицинская беседа» (1896, №6).

Итак, «пишем ужасы». Зачем? – этот вопрос и будем выяснять.

О жанре хоррора спрашивают подозрительно и неприязненно: почему люди любят читать про страшное? Мне уже приходилось высказываться на эту тему, могу повторить: про страшное люди читать не любят. И не читают.

В двухтысячном году вышла в свет книга «Есть всюду свет… Человек в тоталитарном обществе» (М.: Возвращение). Жанр и предназначение этого труда обозначены в подзаголовке – «Хрестоматия для старшеклассников». Прекрасно составленная и прокомментированная Семеном Виленским, хрестоматия включает «Письма к Луначарскому» Владимира Короленко, «Один день Ивана Денисовича» и «Сорок дней Кенгира» Александра Солженицына, «Последний бой майора Пугачева» и «Одиночный замер» Варлама Шаламова, исследование Михаила Геллера о голоде 1921 года, отрывки из воспоминаний Ефросиньи Керсновской, Ариадны Эфрон, Нины Гаген-Торн, стихи Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Анны Барковой, Ивана Елагина, великий «Ванинский порт». Обращенность книги к старшеклассникам исключала возможность поместить в ней самые непереносимые в своем ужасе свидетельства. Хрестоматия вышла «большим» тиражом – 20 000. Не далее как вчера видела ее в книжном киоске на входе в Российскую государственную библиотеку. На прошлой неделе тоже видела – в книжном киоске Сахаровского центра. Значит, за десять с лишним лет в нашей стране не нашлось двадцати тысяч человек, которые испытали бы потребность такую книгу прочесть и вложить в руки своим детям-старшеклассникам.

Изданы и непереносимые в своем ужасе документы: «записки» Залмана Градовского, найденные в пепле возле печей Освенцима (М.: Гамма-Пресс, 2010). Посмотрите на тираж – 1000.

Никто не рвется читать «Банальность зла» Ханны Арендт. Или «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. Или Виктора Франкла – «Психолог в концлагере».

Никто не рвется переиздавать исследования и свидетельства о голоде 1921—1922 года: «Жуткая летопись голода» и «Голодание» врача Л. Василевского (обе брошюры вышли в Уфе, 1922), «О голоде. Сборник статей» (Харьков, 1922). Чудовищно страшные документированные данные о голодной смерти, о пищевых суррогатах, о людоедстве. Вот, из статьи «Голод и психика» врача Д.Б.Франка: «Во всех исследованных мною случаях убийством и поеданием собственных детей занимались только женщины, мужчины-людоеды питались мясом исключительно посторонних лиц. В торговле человеческим мясом принимали одинаковое участие как мужчины, так и женщины» (сборник «О Голоде», с.242). С фотографиями. Могу описать, что на них видно, но лучше этого не делать.

Книга «Голодомор» (М., 2011) вышла столь мизерным тиражом, что он даже не обозначен. Это сборник документов за пять лет, 1930— 1934, – сводки ГПУ, партийные постановления, спецсообщения. Леденящий ужас на каждой странице. «Совершенно секретно. Спецсообщение секретного политического отдела ОГПУ о продзатруднениях в отдельных районах Северо-Кавказского Края. Ейский район. Станица Ново-Щербиновская. Единоличник Д. питается собачьим мясом и крысами. Семья его в 6 человек (жена и дети) умерли от голода. На кладбище обнаружено до 30 трупов, выброшенных за ночь. Труп колхозника Р. перерезан пополам, без ног, там же обнаружены несколько гробов, из которых трупы исчезли» (с.199—200).

Жанр ужасов, хоррор, далеко не в центре читательских интересов, но потребность в нем давняя и несомненная, вызывающая удивление совсем иного рода: почему жанр ужасов не представлен в русской литературе?

«Вий» и «Страшная месть» Гоголя – великолепные исключения, подтверждающие правило.

Так почему же? В основном ответ сводится к тому или иному варианту эмоционального восклицания: «Куда нам еще ужасов? Вы в окно посмотрите!» Такой ответ очевиднейшим образом не годится.

Хотя наши предки тоже смотрели в окно и видели там отнюдь не рай земной, – народные сказки и былички полны «ужасов». «Чистая стихия страха, без которой сказка не сказка и услада не услада», – так писала об этом Марина Цветаева в очерке «Пушкин и Пугачев». Но устная народная проза неподцензурна. Нельзя запретить или помешать соседям посудачить о том, как на лесной тропе им навстречу выскочил леший или как жених-мертвец пришел за невестой и утащил несчастную в гроб.

Если в дело вмешивалась цензура, она «ужасы» пресекала. Когда Гоголь попытался опубликовать «ужас» пожестче, то его «Кровавый бандурист» был немедленно запрещен. Даже со скандалом.

Массовая, народная, «лубочная» книга тоже строжайше цензуровалась. Хотя образованные противники антихудожественных «побасулек» обвиняли лубок именно в пристрастии ко всяческой чертовщине, привидениям и «мертвецам без гроба», это обвинение не соответствует действительности. «Ужасов и дрожи» в народной книге нет. Их туда не пускали.

При этом досоветская цензура нисколько не препятствовала изображению настоящих ужасов существования. Общественных, психологических, экзистенциальных. Тюрьма, каторга, сумасшедший дом, нищета, одиночество, жестокость, преступление, казнь, предательство, бюрократическая бессмыслица, социальный распад, мучительное умирание – все это в отечественной литературе есть. В изобилии. «Смерть Ивана Ильича» и «Палата №6». «Записки из Мертвого дома» и «Остров Сахалин». И многие-многие, даже слишком многие другие. Никто их не запрещал.

Парадокс, конечно. Почему о жестоких и реальных унижениях и смертях в сумасшедшем доме или на каторге – можно, а о привидении «кровавого бандуриста» – нельзя? При этом

от тюрьмы и сумы, как известно, зарекаться не следует, а кровавые бандуристы, ходячие мертвецы и синие призраки никому ничем нисколько не угрожают по той простой причине, что не существуют.

Но в обход цензуры у народа были страшные сказки и былички, а образованное сословие утоляло тягу к «дрожи и ужасам» иностранной беллетристикой – в переводе или на языках оригинала. В немецкой, французской, англо-американской литературе, как высокой, так и бульварной, – богатейший выбор «дрожи и ужасов». Хотя 150—200 лет назад англичане, французы и немцы тоже смотрели в окно и ничего особо утешительного там не видели.

Идеологическая политика Советского Союза исходила из монополии на страх и глубокого «двоемыслия».

Все ужасы кончились в 1917 году. Радикально! Последняя книга со словом «ужас» в заглавии вышла осенью 1917 – пропагандистская мелодрама «Тайны охранки. Из ужасов секретных застенков» Павла Щеголева. И больше ни единого «ужаса» не всплывало вплоть до 1989 года.

В литературе соцреализма никаких «кровавых бандуристов» не могло быть в принципе, а от переводных мертвецов, вампиров и призраков советского читателя охраняли строго. Настолько строго, что секвестровали даже классику. Эдгар По, например, не существовал шестьдесят лет подряд: после предреволюционного «Полного собрания сочинений» провал до 1976 года, когда появился томик его рассказов в «Библиотеке всемирной литературы». Советскому человеку запрещалось дрожать безопасной, «заместительной», терапевтической дрожью. Это понятно.

Но почему цензура Российской империи выкорчевывала «бандуристов» и не позволяла читателю «подрожать»? Тоже монополия на страх? Или что-то другое? Непонятно.

Издательская политика в последние два-три года делает ставку на отечественные «ужасы», рассчитанные на подростков. Либо откровенно, с указанием – «для среднего школьного возраста», либо неоткровенно, с указанием – «18+». Выходит серия «Большая книга ужасов» – уже 35, что ли, выпусков. «Коллекция ужасов» – 3 выпуска: «Вся правда о вампирах», «… привидениях», «… оборотнях». Штук 10 подражаний «вампирской саге» американской авторши Стефани Мейер. В серии «MYST. Черная книга. 18+» – якобы для взрослых – около 20 выпусков.

Странно это или нет, но «ужасы», откровенно предназначенные детям, лучше тех, которым ограничений не поставлено. В серии «18+» жанр попросту не выдержан: вместо «ужасов» либо черный юмор, либо попытки социальной сатиры, либо шпионский боевик, либо обыкновенный детектив с горой трупов. Гадости там есть, а «дрожи» нет. В детских сериях нет ни гадостей, ни «дрожи».

Школьник оказался ночью в школе и узнал, что учителя превращаются по ночам в страшенных монстров. Насквозь ясно и смешно.

Школьник узнал, что он оборотень, и многие его одноклассники – оборотни, и любимая рок-группа – оборотни, а грозная директриса – «охотник за оборотнями» и всех оборотней хочет «утопить». Аллегория тоже смешная и понятная. Подросток «оборачивается» взрослым человеком, а воспитатели все еще видят в нем ребенка и хотят «утопить» его новую активность и самостоятельность.

Школьница, скромная и тихая, влюбилась в мальчика-красавчика, а он оказался вампиром. Но хорошим! Она же его любит! (Таковы подражания «вампирской саге») На мой взрослый взгляд, и сам оригинал, и все подражания – невыносимая скука. Но ведь всем понятно, что красивый избалованный мальчик «пьет кровь» из влюбленной скромной девочки. Поэтому скромным влюбленным девочкам, наверное, читать не скучно. Печальная доля скромных влюбленных мальчиков точно такая же, поэтому следовало бы ожидать появления «зеркальных» романов, где роли поменяются.

Если действие «ужасов» происходит «в городе /в школе, осенью/зимой», то они (насколько я успела заметить: нельзя же прочесть тридцать с лишним выпусков) подхватывают интернациональные «общие места» жанра. Оборотни, призраки, монстры, вампиры, мумии. Кстати заметить, это Артур Конан Дойл на волне увлечения древним Египтом в конце девятнадцатого века изобрел оживающую мумию и «ужас музея» (рассказы «Перстень Тота», 1890, «Номер 249», 1892). Мотивы оказались настолько продуктивными, что даже забылось, кто их придумал.

Однако детские «ужасы» чаще всего разыгрываются в каникулярное время на даче, в деревне, в лагере. Обычно они завязаны на мотивах быличек. Леший, домовой, водяной, волк, русалка, ведьма, колдун, огоньки на болоте. Иногда разрабатываются мотивы детского городского фольклора: черная простыня, черная кукла, губительный рисунок. С подробным указателем сюжетов-мотивов детских страшных историй можно ознакомиться в монографии Софьи Лойтер «Русский детский фольклор и детская мифология. Исследования и тексты» (Петрозаводск, издательство Карельского педагогического университета, 2001).

Детские «ужасы» строго назидательны. Школьник или школьница спасают мироздание или одноклассников, преодолевают страх, обнаруживают в себе новые силы и с честью справляются с преужасными испытаниями. В педагогическом рвении не по разуму сочинители твердят, что противостоять злу и тьме способен лишь тот, кто «всю жизнь отказывал себе в своих желаниях и прихотях, повинуясь лишь долгу» («Большая коллекция ужасов», выпуск 34. – М.: Эксмо, 2011, с.299). Долгу? Любопытно, какому именно из кучи противоречащих один другому долгов. Возможно, впрочем, что это не сочинители пишут, а строгие редакторы вписывают.

Перед создателями детских серий всякий раз встают две трудности: идеологическая и техническая. Первая состоит в том, что авторы обязаны помнить о «православной составляющей». Но при включении религиозных мотивов получатся совсем другие жанры. Например, exempla, по-латыни говоря: нравоучительный рассказ, что клясться, божиться, чертыхаться нельзя, а то черт привяжется. Поэтому авторы норовят аккуратно обойти проблему: доводят до конца сюжет «ужасов», а потом довеском добавляют, что обязательно надо покреститься. Мальчик Вася, бедняга-оборотень, робко спрашивает: «А мне-то можно? – Нужно! – уверенно ответил Вовка» («Вся правда об оборотнях» – М.: Эксмо, 2011, с. 109).

Техническая трудность – убрать из действия маму с папой и бабушку с дедушкой. В изученных текстах задача остается не решенной: взрослые устраняются волевым приемом. Заботливый дедушка, например, прополол картошку и укатил обратно в город, преспокойно оставив тринадцатилетних мальчиков в избушке возле гиблого болота. Или добрые мама с папой вот просто так отпустили тринадцатилетнюю девочку «отдохнуть» в глухой деревне, где половина домов заброшена и доживают несколько стариков.

Но всякий жанровый текст начинается, как шахматная партия. Гамбитов не так много. В моем случае устранить родителей легко, потому что из действующих лиц трое уже студенты, а шестнадцатилетняя Полина доверена ответственности взрослых братьев.

Разыгрываем известный дебют: четверо молодых людей отправляются на природу. Мотор по дороге не глохнет, благополучно приехали. Понимать надо так, что приехали в старый деревянный домик: дача с застекленной верандой. Создаем дистанцию: домик на отшибе, садовое товарищество не так близко, райцентр совсем далеко. Впрочем, несколько домов размещаем поближе. Они тоже принадлежат садоводам, но выстроены в стороне. Организуем незнакомую обстановку: строеньице недавно куплено со всеми «потрохами», настоящую дачу на этом месте еще предстоит возвести, но молодежь решила воспользоваться тем, что есть. Наверное, Полина с братьями там уже бывала.

Необходимые условия: Интернет не ловит, мобильной связи нет. Только в садовом поселке кое у кого местные телефоны. О чем еще не забыть? На даче забора нет, ставней нет, электричество есть, вода есть, удобства на дворе и овраг на пути к ближайшим соседям.

Повествование от «объективного автора» с неявным уклоном к сфере восприятия одного из персонажей.

Братьев, разумеется, делаем близнецами. Ради намека на вопрос, кто же из них погибнет, потому что в близнечных мифах один брат смертный, другой бессмертный.

– Ходить в лесу – видеть смерть на носу: медведь задерет, – страшным голосом сказал Виктор. – Был бы лес, будет и леший. Поле слушает, а лес смотрит. Вы же чувствуете, что кто-то за нами подглядывает?

– Подожди, потом испугаешь, – остановила его Полина. – Пусть Рома ужасы рассказывает. Помнишь еще что-нибудь?

– Конечно. Вот отличный ужас. Во втором номере Вестника. Просто классический. Появился законопроект. Не помню, кто и куда его внес, – может, императору на подпись, но суть была в том, чтоб не пускать на судебные заседания студентов и женщин. Заметка называлась «Ограничение судебной гласности», но доказывала, что ни малейшего ограничения гласности тут нет. Учащимся учиться надо, в судах им делать нечего. От присутствия в зале женщин разбегается внимание адвокатов и судей, а им нужна сосредоточенность. Так что законопроект не только не противоречит идеалу гласности и публичности, а напротив того. Если двери суда закрываются для части публики, то исключительно для пользы судопроизводства и самой публики. Это близко к тексту излагаю, а теперь дословно. «Надо же верить компетентным судебным органам! Как справедливо выражено в мотивах законопроекта…»

– Это не ужасы, а государственное вранье, – посмеялась Полина. – Про жуть давай.

– Вот тебе жуть. Папоротник, он для погребальных венков, а ты его на себя надела.

– Глупости! Суеверия дурацкие! Что ж ты сразу не сказал!

Полина сняла венок, задумчиво подержала, размахнулась, словно хотела отбросить подальше, и вдруг нахлобучила Роману на голову: на тебе! Получилось на редкость красиво. Зеленые листья над загорелым лбом, и кудри черные до плеч, и светлые глаза. Полина присмотрелась, скептически выпятив губы, и потребовала фотоаппарат: вообще-то здорово, тебе идет. Лиру в руки – настоящий Орфей!

– Как странно, – не удержавшись, сказала Катя, – вы же близнецы-двойняшки, а такие разные, что не всякий догадается, что братья.

– Вовсе не разные, – почему-то обиделась Полина. – Совершенно похожи. Друг на друга и еще на меня. Особенно глаза. Большие, голубые и ресницы в полпальца. Просто у Ромы волосы длинные, а у Вити короткие. И щетина эта трехдневная. С ней Витя не на Орфея, а на разбойника похож.

– Благородного, надеюсь? – спросил Виктор, а Роман с комическим пафосом указал на синий девиз своей белой футболки: «Свобода! Неравенство! Братство!»

Решившись, Катя обеими руками сняла с Романа венок и надела на Виктора. Нет, не разбойник. Победитель в лаврах. Атлет-олимпиец или полководец-триумфатор. Хотелось сказать об этом, но слишком напыщенные сравнения как-то неловко было выговорить. Помолчали. И молчание застыло, долгое и приятное.

– Вообще-то домой пора, – наконец, вздохнула Полина. – На сегодня приключений хватит.

– Не хочу пугать, – строго, хмуро сказал Виктор, – но, кажется, мы заблудились.

Теперь встало молчание тяжелое и придушенное. Посмотрели вокруг. Солнечно-зеленая красота повеяла зловещим.

– Да ну тебя! – шепотом вскрикнула Полина. – Тропинка рядом, мы же совсем чуть-чуть отошли.

– Где она? В какой стороне?

– Сейчас поищем. Только все вместе!

– Подожди, – так же мрачно сказал Виктор. – Есть древний народный способ. Почему он действует, неизвестно, но действует. Нужно снять шапку, рукавицы и надеть наизнанку. Если не помогает, то вывернуть тулуп. Правда, у нас ни рукавиц, ни тулупа. Но можно иначе. Когда заблудились несколько человек, кто-то должен поменяться одеждой. Мы с Катей сейчас поменяемся, а потом уже поищем.

Виктор положил венок Кате на колени и медленно стянул черную майку. Полина успокоилась и хихикнула. Катя занервничала, засмотрелась. Широкие плечи, гладкий загар, накачанность именно такая, как надо, когда в меру и красиво, а не чересчур. Взяла себя в руки, смело сняла маленький фиолетовый топик. Ей тоже стыдиться нечего. Моднейший черный с зеленым купальник, плечики острые, талия – двумя пальцами обхватить.

– Жил на свете рыцарь бедный, из-за дамы он страдал, – ехидно-насмешливо проскандировал Виктор. – Он себе на шею топик вместо шарфа повязал.

И повязал топик себе на шею. Катя натянула черную майку, встала, подхватила венок, надела на голову. Длинная майка достала до края коротеньких шортиков. Получилось платье супер-мини. Все хорошо. Только бы Полина опять не обиделась. Очень уж она любит быть в центре внимания.

– А еще косы надо распустить, – мудро вспомнил Виктор. – Давай, сестреныш, спасай положение.

Все встали. Полина медленно, напоказ расплела тяжелую косу: не колосок, а целый сноп. Спросила: ну, теперь видите тропинку?

– Да, сама нашлась, – указал Роман. – Я другого не могу понять. Вот это – как сюда попало?

Надо же, седой валун оказался куском бетонной плиты. Почему-то стало смешно. Настоящее чудо, хотя ужасно нелепое. Валуны растут сами, но кому и зачем понадобилось тащить сюда бетонный обломок? Кто и как умудрился его дотащить? Впряглись, как бурлаки, и поволокли? Эй, ухнем!

– Теперь направо, – объяснял Роман, – перейдем через ручей, поднимемся на просеку, а там выйдем к дому с другой стороны.

Тропинка послушно привела к ручью. Или даже к речке, если ручей можно перешагнуть, а речку уже нельзя. Появился мостик – две досточки без перил, подпертые обрезком деревянной шпалы и сколоченные поперечными рейками. Зелено-коричневая вода катилась сонно и неслышно, ее движение угадывалось только по блеску золотых зайчиков. Солнце клонилось к закату, длинные лучи, налившиеся темным медом или морковным соком, прокалывали густые кроны вкось. Переходили по одному и останавливались: с мостика особенно красиво было смотреть. Ай! Катя угодила металлическим каблучком в трещину, да так, что пришлось вынуть ногу из сапога, дохромать до берега, а Виктор долго выкручивал каблук из ловушки. А потом помог обуться. Как принц Золушке.

Тропинка запетляла вверх среди тяжелой поступи могучих деревьев. Вышли на светлую просеку. Уже хотелось скорей дойти. Вдруг появились заросли колючих кустов не кустов, травы не травы – сплошь в полыханье кроваво-лиловых венчиков.

– Смотрите, смотрите! – обрадовалась Полина. – Это же как у Льва Толстого. Хаджи-Мурат! «Я заметил чудный малиновый в полном цвету репейник и задумал положить его середину букета. Но это было трудно, стебель кололся со всех сторон и был страшно крепок» Давайте букет нарвем. Ножик есть?

– Гениальный сестреныш! – засмеялся Виктор. – Только у Толстого сказано не репейник, а татарник. А это и не репейник, и не татарник, а чертополох.

– Нет, вспомнила! – не сдавалась Полина. – У Толстого сказано «репейник, который называют татарином». Татарином, а не татарником, понятно? А чертополох у нас не водится, это символ Шотландии, только там и растет.

– Если бы только в Шотландии, то и название было бы шотландское. Кельтское. А оно самое наше: чертополох – чертям переполох. Согласна? Никакой кельтики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.